

— Меня зовут Тан Цзин, а это мои дочери — Сяо Лань и Сяо Бин, — Тан Цзин тоже с улыбкой представился.

Представившись друг другу, они познакомились и вместе вошли в лес. Вышли они ради наживательства денег, так что, раз обо всём договорились, терять время было нельзя.

В глубоких диких горах сбор лекарственных трав — это главный способ заработка для всех. Вдали от подконтрольных клану территорий многие не хотели охотиться, а если и добывали зверя, то большую часть бросали.

Вангард из шести человек вошёл в чащу. Трое мужчин хотели использовать Тан Цзина для сбора трав, поэтому не спешили проявлять враждебность, и все держались мирно.

Однако эти трое неотступно следовали за отцом и двумя дочерьми Тан Цзина, опасаясь, что тот сбежит вместе с девочками.

Тан Цзин не обращал на это внимания: он одновременно был начеку и принюхивался к запахам трав — у него была невероятная чуйка на ценные лекарственные растения.

Очень скоро!

Тан Цзин выкопал старый дикий женьшень возрастом в несколько сотен лет, который можно было продать за несколько тысяч серебряных монет.

Трое мужчин были вне себя от радости, мысленно предвкушая, как в итоге срубят и барыш, и девок, и их переполняло сладкое ожидание.

Тан Цзин не придавал этому значения и продолжал свой путь!

В горных лесах опасность и возможности идут рука об руку. За день Тан Цзин насобирал трав на несколько десятков тысяч серебряных монет.

Сегодня повезло: никаких свирепых зверей не встретилось, трое мужчин справились слаженной работой, а Тан Цзин был полностью сосредоточен на сборе трав.

В первый день был хороший улов, второй день они отдыхали, а на третий день снова выступили в поход.

Шестеро спутников незаметно углубились в самую чащу леса. На пятый день им повстречался свирепый тигр, и трое мужчин тут же дали дёру, бросив Тан Цзина с дочерьми.

Тигр не стал преследовать беглецов, а бросился на Тан Цзина, собираясь разорвать. Тот мимоходом сломал толстый ствол дерева и принялся оглаживать зверя с такой яростью, что тигр рухнул на колени и запросил пощады.

Тан Цзин не стал убивать тигра: с такой тварью под боком дальнейший путь пойдёт намного гладко, к тому же, раз уж тигр помогал тащить травы на спине, ему самому стало намного легче.

Сёстры Цинь Лань и Цинь Хун сначала смертельно испугались, но, увидев, каким свирепым был отец, немного пришли в себя, хотя подходить к тигру всё равно не решались и держались далеко в стороне.

Провозившись полмесяца, они наелись мяса до тошноты, сухой паёк закончился, но добыча оказалась богатой, и Тан Цзин с дочерьми повернул назад.

— Э?

Юй Вэй и остальные ещё не ушли. Увидев Тан Цзина с дочерьми, они одновременно заволновались и воодушевились.

Те трое тоже насобирали немного трав — примерно на несколько тысяч серебряных монет.

Тан Цзин поленился возиться с этой троицей и хотел пройти мимо, но его преградили путь.

— Мы же работали вместе, неужели ты не собираешься отдать нам нашу долю? — с улыбкой произнес Юй Вэй.

— Именно, объединим то, что собрали мы, с твоим и перераспределим заново, — улыбнулся Чжан Ци.

— Давайте сюда! — Чжан Сань тут же вывалил травы на землю: там были корни женьшеня, горца многоцветкового, гастродии и прочее, выглядело всё весьма неплохо.

— Вы уверены, что хотите делить? — Тан Цзин погладил бороду. Он не брился больше десяти дней, щетина немного покалывала.

— На самом деле, можно и не делить. Если станем одной семьей, делить ничего не придется, — Юй Вэй бросил взгляд на Цинь Хун, смысл был предельно ясен.

Глядя на Юй Вэя, Тан Цзин погрузился в раздумья.

Прикончить их?

Или покалечить?

Убьёшь — напугаешь дочерей, покалечишь — не оберешься проблем в будущем, тут действительно было над чем поломать голову!

— Вы чего это делаете? — раздался окрик откуда-то издалека.

Все подняли головы и увидели целую группу людей.

Вскоре эти люди подошли ближе. Впереди шли парень и девушка лет шестнадцати-семнадцати, очень изысканные на вид — с первого взгляда было件нятно, что они не простые обыватели.

— Грабите? — поинтересовался юноша во главе группы.

Его взгляд упал на Цинь Хун, вопрос явно адресовался ей.

Цинь Хун испугалась. Она была наивной девчонкой, не видевшей жизни, и, опустив голову, молчала.

Юй Вэй тут же поспешил оправдаться:

— Мы партнёры по делу, делим добычу, а не грабим.

— Делим, делим! — закивал в подтверждение Чжан Ци.

— И правда делим! — Чжан Сань тоже торопливо закивал, до смерти испугавшись внутри.

Юноша перевёл взгляд на Тан Цзина и спросил:

— Действительно делите?

— Нет! — Тан Цзин покачал головой и вкратце описал то, что произошло ранее.

— Ох! — выслушав его, юноша взглянул на тяжелую ношу с травами за его спиной и с улыбкой предложил: — Открой-ка, покажи. Если меня всё устроит, я обменяю их у тебя.

Видя, что парень обладает незаурядными манерами и явно имеет при себе хорошие вещи, Тан

Цзин решительно опустил мешок с травами, выставив всё напоказ.

— Тысячелетний женишень, десятилетиями горю! Матушка моя родная! — юноша уставился на травы, не скрывая крайнего изумления.

Такие целебные травы встречались крайне редко — даже ему самому ещё никогда не доводилось добывать их лично, легко было представить их истинную ценность.

— Давай так: твои травы очень ценны, и я предлагаю тебе два варианта. Могу выкупить их за золотые монеты, а могу обменять на пространственный браслет.

Юноша вёл себя вежливо по той причине, что человек, способный добыть такие сокровища, явно не был простым смертным. Нельзя судить о людях по внешности, чтобы не сесть в лужу в самый неожиданный момент.

Была и вторая причина: Цинь Хун оказалась писаной красавицей, и она ему очень понравилась — завязать с такими людьми знакомство было бы лучшим исходом.

— Пространственный браслет, — бесстрастно ответил Тан Цзин.

Деньги всегда можно заработать, а вот пространственный браслет — вещь, которую не сыщешь по заказу, обычным людям она вообще недоступна. Раз уж представилась возможность, да ещё и человек согласен на обмен, грех было упускать шанс.

— Добро! — юноша кивнул, достал пространственный браслет и протянул Тан Цзину, не собираясь объяснять, как им пользоваться — хотел посмотреть, справится ли тот сам.

Тан Цзин принял браслет, мысленно ощупал его и убедился, что внутри действительно есть хранилище, после чего сразу же надел его на запястье.

Юноша слегка удивился, но ничего говорить не стал, забрал все травы, а затем протянул Цинь Хун нефритовый жетон и с улыбкой сказал:

— Меня зовут Хуа Гу. Возьми это в подарок, давай подружмся.

Цинь Хун приняла жетон, слабо улыбнулась и ничего не ответила: она вовсе не стеснялась, просто боялась.

Хуа Гу не стал задерживаться, улыбнулся, бросил суровый взгляд на Юй Вэя и его компанию и увёл людей за собой.

Тан Цзин немного подумал и тоже увёл дочерей. Юй Вэй и остальные переглянулись, но так и не решились напасть.

Эта вылазка принесла больше радости, чем добыча десятков миллионов золотых монет. Тан Цзин вернулся домой с двумя дочерьми и закатил праздничный пир, пригласив всю семью тестя, чем изрядно озадачил родню.

Отдохнув месяц, Тан Цзин снова отправился в путь с дочерьми, на этот раз закупив столько припасов, что их с лихвой хватило бы на несколько месяцев.

На сей раз Тан Цзин выбрал другое направление и направился к куда более опасному горному массиву.

Стоило им только добраться до окраин, как они наткнулись на волчью стаю, и потребовалось немало времени, чтобы разобраться с хищниками.

Сёстры Цинь Хун и Цинь Бин стали гораздо смелее: вооружившись заранее заготовленными клинками, они помогали рубить волков. И пусть им не удалось зарубить ни единого зверя, по крайней мере, теперь они осмелились смотреть волкам в глаза и вступать в схватку.

Сделав этот первый шаг, в дальнейшем при встрече с более мелкими дикими животными Тан Цзин позволял дочерям тренироваться на них, закаляя их дух и боевые навыки.

Проведя в горах целый месяц и подсчитав примерную прибыль в несколько миллионов серебряных монет, отец с дочерьми повернули назад.

Уходили в прекрасном настроении, возвращались радостные, но дома их ждал сюрприз — далеко не самый радостный.

В доме появился чужак. Мужчина.

Судя по его габаритам, в нём было не меньше трёхсот цзиней весу.

Судя по лицу, ему стукнуло по меньшей мере пятьдесят.

А рожей он вышел настолько страшной, что душа в пятки уходила.

Тан Цзин никак не мог взять в толк: как дочери могли принять такое чудовище? Почему у его дочерей такие извращённые вкусы?

Мало того, что в доме завёлся посторонний мужчинка, так ещё и всё вверх дном перевернули,

деньги промотали, и хозяйство снова оказалось на грани разорения. Тан Цзина едва не разорвало от ярости.

Он прогнал толстяка пинками, схватил Цинь Тянь и принялся лупить её так, будто собирался прибить до смерти.

— Бей меня!

— Умоляю, убей меня!

— Всё равно ты о мне не думаешь!

— Пусть лучше я сдохну!

— Сильнее ударь!

— Ты что, сегодня не обедал?

— Убей меня!

— Ближе к голове целься!

— Тряпка безвольная!

Сначала Цинь Тянь испугалась побоев, но потом рассвирепела и окончательно потеряла рассудок: принялась сама рвать на себе одежду, драть волосы и кататься по земле.

Тан Цзин потерпел полное поражение. Как отец он был просто никчемен!

Е Дуо удерживала его, со слезами умоляя прекратить избиение, вторая и третья дочери тоже бросились разнимать родителей, и в доме воцарился такой кавардак, что на душе стало тошно.

Раньше они бедствовали, и тому были причины, но теперь-то условия в семье улучшились, а старшая дочь всё равно скатилась на самое дно — Тан Цзин был безумно рассержен.

И всё же... если поразмыслить, он ведь и сам в прошлом был сплошным ничтожеством, так что сваливать всю вину исключительно на дочь было бы неправильно.

Побродив по улице и немного развеявшись, он вернулся домой только к ночи.

Семья села ужинать: на столе было полно рыбы и мяса, но даже вечно жадная до еды Цинь Хун не испытывала аппетита.

Теще тоже было совестно, и в итоге толком поесть никто не смог.

Тан Цзин смотрел в окно на затянутое сумерками небо и чувствовал себя совершенно потерянным — что ждёт их в будущем?

Старшая дочь уже испорчена, сколько ни учи — толку не будет.

А вторая?

Ей исполнилось четырнадцать, и Тан Цзин заметил, что она то и дело украдкой уходит в себя, погружаясь в грёзы — судя по всему, девочка запала на того юношу.

Хорошо хоть малышка Бин оставалась самой послушной. Тан Цзин надеялся, что Бин послушается его воли, и тогда он подыщет ей зятя из надежных людей, оставив дочку подле себя.

Ранним утром следующего года в дом пожаловала гостя — бабушка Чжан.

На сей раз старая карга наконец-то оставила в покое дочерей Тан Цзина и переключила внимание на самого хозяина дома.

Бабушка Чжан привела с собой мать с дочерью: девушке было лет пятнадцать, невероятно хорошенькая, прекрасно развитая для своих лет, а одета с безупречным вкусом.

Мать девочки — писаная красавица с пышными формами, на вид лет двадцати семи-восьми.

— Танчик, милый, да с твоими-то условиями разве может быть только одна женщина? — бабушка Чжан перешла сразу к делу. — Если это сватовство выгорит, невеста отсыплет денег.

Тан Цзин сохранял невозмутимость: он сейчас едва справлялся с собственным домом, куда уж ему заводить новые рты?

Видя, что он молчит, бабушка Чжан улыбнулась:

— Не бойся, Танчик, за невесту калым платить не нужно, напротив, сама семья невесты заплатит тебе. Восемьсот восемьдесят восемь тысяч серебряных монет — щедрое предложение, как считаешь?

Даже стоявшая рядом Сяо Руосюэ и то затаила дыхание от жадности: если за зятя можно выручить столько денег, то с этим определенно стоило повозиться.

— Так много? — Сяо Руосюэ судорожно втянула воздух, покосилась на никчемного зятя и никак не могла взять в толк, с чего бы этот увалень стоил таких деньжищ.

— Папа, а я тебя продам, — Цинь Бин уставилась на отца с улыбкой, разыгрывая шутку, но выглядело это пугающе серьёзно.

— Малышка Бин, папа у тебя один, его продавать нельзя! — Тан Цзин прижал к себе дочку и шутливо потрепал за ухо.

Цинь Бин смущенно покраснела и уткнулась лицом в отцовскую грудь.

Цинь Хун жутко завидовала младшей сестре и тайком ущипнула её.

Цинь Тянь, глядя на эту идиллию, скривилась и свирепо зыркнула на младших сестер исподлобья.

— Малышка Бин, ты ведь не станешь продавать папу, правда?

— Стану!

— Почему это?

— Бин-Бин бедная!

— Папа же даёт тебе денег на карманные расходы!

— Нет, Бин-Бин хочет сама заработать!

— Ну так иди и заработай!

— Я лучше продам папу, папа очень дорого стоит.

— А папе теперь грустно.

Тан Цзин сделал вид, что обиделся, задрал голову и состроил плаксивую гримасу.

Бабушка Чжан поняла, что эта семейка даже слушать ничего не желает, разозлилась, но поделаться ничего не смогла, и с кислым видом увела мать с дочерью прочь.

Неприятные люди ушли, Цинь Хун и Цинь Бин снова принялись шумно резвиться, тёща хлопотала на кухне, жена возилась с младшим ребёнком, а Цинь Тянь заперлась с дочкой в комнате, вынашивая обиду.

Тан Цзин от скуки вышел на улицу прогуляться.

Раньше он бродил по улицам с пустыми карманами — то купить не мог, сего позволить не в силах, а теперь, когда в карманах звенела монета, ему ничего не хотелось приобретать, до того всё осточертело.

— Эй!

Кто-то окликнул его. Оглянувшись, он с удивлением увидел ту самую парочку — мать с дочерью.

Тан Цзин не горел желанием заводить с ними дела, вежливо улыбнулся и шагнул в сторону.

Раз уж они столкнулись, значит, сама судьба свела их вместе: парочка неотступно следовала за ним, не проявляя ни капли женской скромности.

— Вы чего увязались за мной? — недоверчиво спросил Тан Цзин.

— Эта дорога что, твоя собственная, чтобы обвинять нас в преследовании? — девушка ни за что бы не призналась, что шла за ним хвостом, — потерять лицо ей не улыбалось.

<http://bllate.org/book/19302/1889169>